

Избранные произведения

Даниил Хармс

Шапка

Отвечает один другому:

— Не видал я их.

— Как же ты их не видал, — говорит другой, — когда сам же на них шапки надевал?

— А вот, — говорит один, — шапки на них надевал, а их не видал.

— Да возможно ли это? — Говорит другой с длинными усами.

— Да, — говорит первый, — возможно, — и улыбается синим ртом.

Тогда другой, который с длинными усами, пристает к синерожему, чтобы тот объяснил ему, как это так возможно — шапки на людей надеть, а самих людей не заметить. А синерожий отказывается объяснять усатому, и качает своей головой, и усмехается своим синим ртом.

— Ах ты дьявол ты этакий, — говорит ему усатый. — Морочишь ты меня старика! Отвечай мне и не заворачивай мне мозги: видел ты их или не видел?

Усмехнулся еще раз другой, который синерожий, и вдруг исчез, только одна шапка осталась в воздухе висеть.

— Ах так вот кто ты такой! — сказал усатый старик и протянул руку за шапкой, а шапка от руки в сторону. Старик за шапкой, а шапка от него, не дается в руки старику.

Летит шапка по Некрасовской улице мимо булочной, мимо бань. Из пивной народ выбегает, на шапку с удивлением смотрит и обратно в пивную уходит.

А старик бежит за шапкой, руки вперед вытянул, рот открыл; глаза у старика остеклянели, усы болтаются, а волосы перьями торчат во все стороны.

Добежал старик до Литейной, а там ему наперерез уже милиционер бежит и еще какой-то гражданин в сером костюмчике. Схватили они безумного старика и повели его куда-то.

21 июля 1938 года.

О равновесии

Теперь все знают, как опасно глотать камни.

Один даже мой знакомый сочинил такое выражение: «Кавео», что значит: «Камни внутрь опасно». И хорошо сделал. «Кавео» легко запомнить, и как потребуется, так и вспомнишь сразу.

А служил этот мой знакомый истопником при паровозе. То по северной ветви ездил, а то в Москву. Звали его Николай Иванович Серпухов, а курил он папиросы «Ракета», 35 коп. коробка, и всегда говорил, что от них он меньше кашлем страдает, а от пятирублевых, говорит, я всегда задыхаюсь.

И вот случилось однажды Николаю Ивановичу попасть в Европейскую гостиницу, в ресторан. Сидит Николай Иванович за столиком, а за соседним столиком иностранцы сидят и яблоки жрут.

Вот тут-то Николай Иванович и сказал себе: «Интересно, — сказал себе Николай Иванович, — как человек устроен».

Только это он себе сказал, откуда ни возьмись, появляется перед ним фея и говорит:

— Чего тебе, добрый человек, нужно?

Ну, конечно, в ресторане происходит движение, откуда, мол, эта неизвестная дамочка возникла. Иностранцы так даже яблоки жрать перестали.

Николай-то Иванович и сам не на шутку струхнул и говорит просто так, чтобы отвязаться:

— Извините, — говорит, — особого такого ничего мне не требуется.

— Нет, — говорит неизвестная дамочка, — я, — говорит, — что называется фея. Одним моментом что угодно смастерю.

Только видит Николай Иванович, что какой-то гражданин в серой паре внимательно к их разговору прислушивается. А в открытые двери метродотель бежит, а за ним еще какой-то субъект с папироской во рту.

«Что за черт! — думает Николай Иванович, — неизвестно что получается».

А оно и действительно неизвестно что получается. Метродотель по столам скачет, иностранцы ковры в трубочку закатывают, и вообще черт его знает! Кто во что горазд!

Выбежал Николай Иванович на улицу, даже шапку в раздевалке из хранения не взял, пробежал на улицу Лассалья и сказал себе: «Ка ве О! Камни внутрь опасно! И чего-чего только на свете не бывает!»

А придя домой, Николай Иванович так сказал жене своей:

— Не пугайтесь, Екатерина Петровна, и не волнуйтесь. Только нет в мире никакого равновесия. И ошибка-то всего на какие-нибудь полтора килограмма на всю вселенную, а все же удивительно, Екатерина Петровна, совершенно удивительно!

ВСЕ.

18 сентября 1934 года.

Кузнецов

Жил-был человек, звали его Кузнецов. Однажды сломалась у него табуретка. Он вышел из дома и пошел в магазин купить столярного клея, чтобы склеить табуретку.

Когда Кузнецов проходил мимо недостроенного дома, сверху упал кирпич и ударил Кузнецова по голове.

Кузнецов упал, но сразу же вскочил на ноги и пощупал свою голову. На голове у Кузнецова вскочила огромная шишка.

Кузнецов погладил шишку рукой и сказал:

— Я гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в магазин, чтобы... чтобы... чтобы... Ах, что же это такое! Я забыл, зачем я пошел в магазин!

В это время с крыши упал второй кирпич и опять стукнул Кузнецова по голове.

— Ах! — вскрикнул Кузнецов, схватился за голову и нащупал на голове вторую шишку.

— Вот так история! — сказал Кузнецов. — Я гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в... пошел в... пошел в... куда же я пошел? Я забыл, куда я пошел!

Тут сверху на Кузнецова упал третий кирпич. И на голове Кузнецова вскочила третья шишка.

— Ай-ай-ай! — закричал Кузнецов, хватаясь за голову. — Я гражданин Кузнецов вышел из... вышел из... вышел из погреба? Нет. Вышел из бочки? Нет! Откуда же я вышел?

С крыши упал четвертый кирпич, ударил Кузнецова по затылку, и на затылке у Кузнецова вскочила четвертая шишка.

— Ну и ну! — сказал Кузнецов, почесывая затылок. — Я... я... я... Кто же я? Никак я забыл, как меня зовут? Вот так история! Как же меня зовут? Василий Петухов? Нет. Николай Сапогов? Нет. Пантелей Рысаков? Нет. Ну кто же я?

Но тут с крыши упал пятый кирпич и так стукнул Кузнецова по затылку, что Кузнецов окончательно позабыл все на свете и крикнув «О-го-го!», побежал по улице.

* * *

Пожалуйста! Если кто-нибудь встретит на улице человека, у которого

на голове пять шишек, то напомните ему, что зовут его Кузнецов и что ему нужно купить столярного клея и починить ломаную табуретку.

1 ноября 1935 года.